

В. Е. НЕВЛЕР

ВОССТАНИЕ БРАТЬЕВ БАНДИЕРА И МАДЗИНИ*

В середине XIX в. Италия находилась под феодальным и национальным гнетом. Накануне революции 1848 г. А. И. Герцен, побывавший в разных ее городах, писал: Это — «страна ... униженная всевозможными унижениями, завоеванная, разделенная иноплемениками, полтора века разоряемая и, наконец, совсем сошедшая с арены народов как деятельная мощь, влияющая сила, — страна, воспитанная иезуитами, отставшая, обойденная»¹. Решением Венского конгресса 1815 г. Италия была разделена на восемь государств. Большинство из них прямо или косвенно попало в сферу австрийского влияния. В Ломбардо-Венецианской области было также установлено австрийское господство.

Национальный и социальный гнет, тяжелое положение народных масс вызывали почти непрерывное брожение среди широких слоев итальянского общества. Деспотическим правительствам, прибегавшим к террору, не удавалось полностью подавить революционные выступления, национально-освободительное движение все более ширилось, а у истоков его стояли карбонарии, восставшие первые против феодальной реакции. В 1820 г. Союз карбонариев представлял собой тайное общество, ставившее своей целью свергнуть феодально-абсолютистский режим и иностранное господство. В нем существовали умеренно-либеральное и демократическое течения. Однако преобладали умеренные либералы, действия которых отличались крайней нерешительностью и боязнью народных масс.

Джузеппе Мадзини было 15 лет, когда восстание 1820 г., возглавленное карбонариями, было потоплено в крови. Уже в отроческие годы Дж. Мадзини стал участником революционного движения. В годы учебы в Генуэзском университете он был одним из инициаторов студенческих волнений, а в 1827 г. вступил в Общество карбонариев и стал наиболее активным участником генуэзской организации. Вскоре Мадзини был арестован, но в феврале 1831 г. его освободили, с предписанием отправиться в изгнание или поселиться в одном из захолустных городков Пьемонта и жить там под надзором полиции. Молодой революционер избрал изгнание и 10 февраля покинул родину.

* Настоящая статья не преследует цели всесторонне осветить деятельность Мадзини и дать анализ всех его политических и философских воззрений. Автор стремился лишь выяснить отношение Мадзини к восстанию братьев Бандиера, которое во многом предопределило его будущую деятельность. Эта тема мало разработана в советской исторической литературе. По отдельным аспектам деятельности Мадзини см.: К. Э. К и р о в а. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини (1831—1833 гг.). — «Из истории социально-политических идей». М., 1955; В. Н е в л е р (Вилин). К истории воссоединения Италии. М., 1936; его же. Новые документы о связях Герцена с Мадзини и Гарибальди. — «Проблемы изучения Герцена». М., 1963; З. М. Ц ы п к и н а. Герцен и деятели итальянского национально-освободительного движения (1848—1852 гг.). — «Объединение Италии». М., 1963; И. В. Г р и г о р ь е в а. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966.

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. V. М., 1955, стр. 98.

Революция 1831 г., как и восстание 1820 г., в Италии была подавлена австрийской интервенцией. Главные причины неудачи — отсутствие у ее вождей ясной программы действий и единого руководства. Молодой Мадзини резко осудил трусливую политику «старых умеренных либералов», руководивших движением в 1831 г. После его поражения организации карбонариев распались.

Подавление революции 1831 г. в центральной Италии вызвало разочарование многих патриотов, чудом уцелевших во время свирепых репрессий. Однако среди деятелей демократического движения были люди, которые сделали правильные выводы из уроков революции и стали готовить патриотические силы к новой борьбе. Первым среди них был Дж. Мадзини, с именем которого связаны судьбы демократического движения в Италии в последующие 40 лет.

Мадзини поселился в Марселе, где проживали многие итальянские политические эмигранты. Будучи убежденным в том, что Общество карбонариев «превратилось в живой труп»², Мадзини, прибыв в Марсель, начал разрабатывать план создания новой организации и летом 1831 г. основал новое общество под названием «Молодая Италия». Этот общенациональный революционно-демократический союз стал кузницей кадров для будущих итальянских революций. Основные требования «Молодой Италии» — свержение иностранного господства, национальное объединение страны и установление республиканского строя. По идее Мадзини, в предстоящей итальянской революции должны были участвовать широкие народные массы, в интересах которых будущая республика проведет глубокие социальные реформы. Дж. Мадзини много лет разрабатывал свою социальную утопию, дополняя ее и уточняя отдельные требования. Один из лозунгов гласил: «Установить социальное равенство на основе объединения труда с капиталом». В. И. Ленин относил социальные идеи Дж. Мадзини к не-пролетарскому, домарксовскому социализму³.

С первых же дней создания «Молодой Италии» Дж. Мадзини занялся сплочением патриотических сил в эмиграции, стал выпускать листовки, а затем журнал «La giovine Italia». Революционная литература тайно перевозилась в Италию, где постепенно создавались ячейки «Молодой Италии». В 1833 г. Дж. Мадзини и его сподвижники приступили к подготовке восстания. Члены организации «Молодая Италия» работали особенно активно в городах Пьемонта — в Генуе, Турине, Алессандрии и Шамбери. Но и враг не дремал. С помощью шпионов и провокаторов полиция раскрыла заговор в апреле 1833 г. Во многих городах Пьемонта были произведены массовые аресты. Пьемонтской монархии удалось нанести «Молодой Италии» тяжелый удар.

Из-за преследования французских властей Дж. Мадзини в июне 1833 г. вынужден был переехать в Женеву. Здесь он решил собрать отряд из нескольких сот человек, который должен был проникнуть в Савойю и организовать восстание в Пьемонте. Глава «Молодой Италии» полагал, что волнения в Пьемонте послужат сигналом к выступлению других итальянских государств. С большим трудом удалось экипировать отряд и в первых числах февраля 1834 г. направить его в Савойю (так называемая Савойская экспедиция). Но швейцарское и пьемонтское правительства были предупреждены о планах заговорщиков. В результате часть отряда была разоружена и интернирована швейцарской милицией. Другая же часть, успевшая проникнуть на территорию Пьемонта, была рассеяна после схватки с пограничниками. В подготовке восстания принимал участие никому неизвестный до тех пор молодой моряк, с именем которого впоследствии были связаны крупнейшие битвы за объединение Италии. Речь идет о Джузеппе Гарибальди, незадолго до того вступившем в «Молодую Италию». Неудачный исход заговоров 1833—1834 гг. вызвал кризис этой организации, которая в 1836 г. фактически распалась. Мадзини же, преследуемый швейцарскими властями, вынужден был в январе 1837 г. переехать в Лондон. Однако благодаря огромной настойчивости Дж. Мадзини в 1840 г. «Молодая Италия» возобновила свою деятельность.

Одним из более значительных выступлений первой половины 40-х годов явилось восстание братьев Аттилио и Эмилио Бандиера (1844 г.), членов «Молодой Италии». Это восстание сыграло важную роль в идейном формировании молодежи того времени.

² G. Mazzini. Scritti... Edizione Nazionale (далее — S. E. N.), (vol. I—C. 1906—1943), vol. LXXVII, p. 30.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49.

Морские офицеры, братья Бандиера, родились в Венеции в семье адмирала австрийского флота барона Франческо Бандиера, придерживавшегося весьма консервативных взглядов. В 1844 г. старшему из них (Аттилио) исполнилось 34 года, а младшему — 25 лет. Они окончили военно-морскую академию в Венеции, после чего служили в австрийском флоте, плавав в страны Европы и Америки.

Несмотря на строгий надзор, патриотические идеи Дж. Мадзини проникли и в австрийский флот, в котором служили многие итальянцы. По-видимому, в конце 1830-х годов Аттилио Бандиера проникся идеями Мадзини. Во всяком случае точно установлено, что в 1840 г. он стал горячим сторонником возрожденной «Молодой Италии». Но, считая, что на флоте необходима особая организация, которая занималась бы подготовкой восстания, Аттилио Бандиера в 1840 г. основал тайное общество «Эсперия», в которое вступили многие итальянцы, служившие в австрийском флоте ⁴.

В августе 1842 г. А. Бандиера установил связь с Мадзини, и с тех пор между главой «Молодой Италии» и братьями Бандиера завязалась дружеская переписка, которая длилась до дня гибели двух героических братьев и их сподвижников ⁵. Член общества «Эсперия», морской офицер Доменико Моро, в августе 1842 г. отправился в Лондон. С ним-то Аттилио Бандиера и послал свое первое письмо Мадзини (от 15 августа 1842 г.) ⁶. Из писем братьев Бандиера к Мадзини мы узнаем о взглядах руководителей общества «Эсперия» и о ходе подготовки восстания. В первом письме А. Бандиера сообщал, что уже несколько лет он с большим интересом и симпатией следил за деятельностью главы «Молодой Италии»; он знал об издании журнала «La giovine Italia», но ему не удавалось достать ни одного номера, зато в самые последние дни получил два номера газеты «Apostolato popolare», что явилось для него большой радостью ⁷. А. Бандиера писал далее, что он разделяет «те же политические принципы», которые отстаивает Мадзини ⁸. Младший брат позже сообщал Мадзини, что несколько лет он и Аттилио искали путь к объединению с «Молодой Италией». «Не зная еще ваших принципов, — добавлял он, — мы согласны были с ними. Мы желаем единой, республиканской свободной родины; мы верим только в национальные силы и отвергаем всякую иностранную помощь» ⁹.

Мадзини приветствовал появление в австрийском флоте сторонников, успевших уже создать свою организацию. Поэтому во время встречи с Д. Моро он легко договорился с ним о том, что «Эсперия» будет считаться секцией «Молодой Италии». Братья Бандиера одобрили это соглашение. Но программа «Эсперии» отличалась от программы «Молодой Италии». Отстаивая республиканский принцип, программа «Эсперии» допускала, в случае непреклонного сопротивления великих держав, объединение Италии и на конституционно-монархической основе. В этой программе выражалось также пренебрежительное отношение к народным «низам» — «неблагообразным и извращенным» ¹⁰. Но несмотря на все эти различия в программе двух организаций, братья Бандиера преклонялись перед Мадзини и в любой момент были готовы выполнить его указания и поручения. Они считали себя его учениками и последователями.

Мадзини отмечал, что братья Бандиера «были одержимы религиозным культом непрестанных действий» ¹¹. Это не гипербола. В то время как Мадзини и другие деятели освободительного движения из опыта неудавшихся восстаний 1833—1834 гг. сделали вывод о необходимости в дальнейшем более тщательно подготавливать восстание и выжидать подходящий момент, братья Бандиера готовы были броситься

⁴ G. C a n d e l o r o. Storia dell'Italia moderna, vol. II. Milano, 1966, p. 373; S. C a n z i o. Il Risorgimento italiano. Milano, 1962, p. 360.

⁵ Наиболее документированным источником для изучения отношений между Мадзини и братьями Бандиера является брошюра Мадзини. — G. M a z z i n i. Ricordi dei fratelli Bandiera. Paris., 1845.

⁶ E. P o e r i o. I. fratelli Bandiera e compagni. — «Pantheon dei martiri della libertà italiana», vol. I. Torino, 1860, p. 417—418.

⁷ G. M a z z i n i. S. E. N., vol. XXXI, p. 22. Газета «Apostolato popolare» — орган лондонской секции «Молодой Италии», основана Мадзини в 1840 г. Она выходила регулярно с ноября 1840 г. по сентябрь 1843 г., но пользовалась большим успехом среди итальянской эмиграции и нелегально распространялась в Италии.

⁸ G. M a z z i n i. S. E. N., vol. XXXI, p. 22.

⁹ Ibid., p. 25.

¹⁰ G. C a n d e l o r o. Op. cit., vol. II, p. 373; S. C a n z i o. Op. cit., p. 360.

¹¹ G. M a z z i n i. S. E. N., vol. XXXI, p. 28.

в бой, не считаясь ни с чем. Так, А. Бандиера писал Мадзини 14 ноября 1843 г.: «По-встанческое движение в Италии продолжается... Думаю, что пришла заря великого дня нашего освобождения... Изучаю, каким путем броситься на арену действия... Если дело сорвется, в этом будет не моя вина. Я хотел встать во главе отряда и ринуться с ним в горы, а оттуда броситься в бой за наше дело — до самой смерти. Я хорошо понимаю, что этот факт имел бы небольшое материальное значение, но он оказал бы более значительное моральное влияние»¹².

Героическая борьба, готовность к самопожертвованию, призыв к подвижничеству — в этом состояла суть деятельности братьев Бандиера. В конце 1843 г. в ряды «Эсперии» проник шпион, некий Т. В. Миччарелли, который доносил австрийским властям все, что ему удавалось узнать. Аттилио Бандиера стало известно об этом, когда он находился со своим кораблем в Смирне. Он решил встать (в конце февраля 1844 г.) на о. Корфу и немедленно сообщил об этом брату в Венецию. Однако Эмилио был уже на пути к Корфу, куда вскоре благополучно добрался. Он был встречен с энтузиазмом итальянскими изгнанниками, в то время как Аттилио прибыл на Корфу лишь 26 апреля, так как был подвергнут в Афинах длительному карантину¹³.

Эмилио Бандиера и другие итальянские эмигранты (среди них был и Д. Моро) начали готовить экспедицию в Италию с целью высадки на калабрийский берег. Но неожиданно Эмилио пришлось пережить драматический момент, причинивший ему тяжелые нравственные страдания: встречу с матерью, прибывшей на остров. Бегство двух офицеров из знатной семьи сильно подорвало авторитет австрийского флота. Вице-король Ломбардо-Венецианского королевства эрцгерцог Раниери пытался вернуть их на флот, пообещав не только помилование, но и сохранение званий. Мать прибыла на остров раньше Аттилио и встретила с младшим сыном. Эмилио отверг предложения вице-короля, сказав, что если он когда-либо вернется в Италию, то «не для того, чтобы жить позорной жизнью», а «чтобы умереть славной смертью»¹⁴. Эмилио подробно описал в письме к Мадзини встречу с матерью. Обливаясь слезами, мать называла сына «жестоким», «бесчеловечным», «убийцей»... Младший Бандиера хотел знать мнение Мадзини о его решении не возвращаться в Италию. «Ответьте мне, — писал он, — хоть одним словом; Ваше одобрение явится для меня вознаграждением за тысячи оскорблений, которые посылают мне наперебой глупцы, эгоисты и обманутые»¹⁵.

Из переписки Мадзини с братьями Бандиера сохранилось, к сожалению, лишь единственное письмо Мадзини к Эмилио (зато писем братьев к Мадзини имеется много) — это ответ на сообщение Эмилио о встрече с матерью. Нельзя не привести здесь волнующих строк этого письма, которое дает яркое представление об эпохе, о психологии революционных борцов. «Мне кажется, — писал Мадзини, — что Вам свойственно то, чего не хватает многим: стойкость в самопожертвовании — та стойкость, которая сродни человеческой добродетели. Мы, следовательно, будем страдать вместе и сражаться вместе, и с нами — те немногие, которые смотрят на наше дело как на веру... Будьте стойки против возгласа материнской любви: придет тот день, надеюсь, когда Вы сможете снова обнять свою мать не краснея. И она почувствует, что Вы были правы, когда не хотели последовать за ней. Бедные обманутые матери! Может быть в какой-то день... она должна будет оплакивать Вашу гибель»¹⁶. Эти слова совсем не являлись одобрением или поощрением безрассудных выступлений. Они лишь отражали дух эпохи. В момент перед выступлением братьев Бандиера Мадзини советовал пока воздержаться от этой акции. Но он хорошо знал, что таких людей, как Бандиера, никто и ничто на свете не сможет удержать от актов самопожертвования ради дела свободы и независимости родины.

Обстоятельства, сложившиеся весной 1844 г. в королевстве Обейх Сицилий, как будто подталкивали братьев Бандиера к немедленным действиям. Брожения и волнения в этом реакционном государстве Италии почти не утихали. Особенно сильными

¹² Ibid., p. 29.

¹³ «Protocollo della Giovine Italia», vol. III. Imola, 1918, p. 74.

¹⁴ G. M a z z i n i. S. E. N., vol. XXXI, p. 39.

¹⁵ Ibid., p. 39—40.

¹⁶ Ibid., vol. XXVI, p. 194. В письме к матери от 8 июня Эмилио полностью переписал текст письма Мадзини.

они были в Калабрии. 15 марта 1844 г. в г. Козенце было поднято восстание, в котором участвовало около 100 человек. Руководитель повстанцев, нотариус Франческо Сальпи, вступивший с отрядом на главную площадь города, провозгласил конституцию¹⁷. В восстании в Козенце участвовали патриоты из других городов Калабрии, и его руководители предполагали, что оно явится сигналом к более широким действиям. Однако непосредственно за восстанием в Козенце никаких выступлений не последовало, и оно было подавлено. Репрессиями правительство Бурбонов пыталось водворить «спокойствие». 10 июля 1844 г. был вынесен смертный приговор 21 участнику восстания в Козенце. На следующий день пятерых расстреляли. Остальным смертную казнь заменили каторжными работами.

Свирепый террор в королевстве Обеих Сицилий после подавления мартовского восстания, чрезвычайные декреты в Калабрии, бегство в горы многих повстанцев Козенцы давали основание предполагать, что восстание в Южной Италии продолжается или вот-вот разгорится в ближайшем будущем. С этого времени итальянские изгнанники на о. Корфу начинают усиленно подготавливать экспедицию в Калабрию, руководителями которой стали братья Бандиера; с этого времени начинается интенсивная переписка с Мадзини, к которому они обращаются за советами и помощью. В письме от 10 мая А. Бандиера, заверив Мадзини в том, что он «никогда не откажется от наших общих принципов», писал о программе восстания в Калабрии: «Независимая, свободная и единая Италия, созданная демократическим путем республика со столицей в Риме — вот в чем состоит мое политическое кредо»¹⁸. Аттилио сообщал далее, что в целях сбора необходимой суммы денег для подготовки восстания, он и его брат начали продавать все, что им удалось захватить с собой, однако денег (около 1500 франков) не хватало, и он обратился к Мадзини за помощью.

Мадзини считал, что после подавления восстания в Козенце попытка организации восстания в Калабрии, да еще небольшими силами, была бы бессмысленна. «С тех пор, — писал Мадзини, — между двумя братьями, с одной стороны, и мною с моим другом на Мальте (речь идет о Н. Фабрици. — *Авт.*) — с другой, началась борьба, к сожалению, неравная; мы старались переубедить их, чтобы отказаться от плана действовать немедленно и одним, а они хотели во что бы то ни стало броситься в бой»¹⁹.

Особо резкой критике подверг план братьев Бандиера Никола Фабрици. В письме от 15 мая 1844 г. он писал им, что этот план является плодом нетерпения, что попытка его осуществить может привести лишь к напрасным жертвам и к расстройству рядов патриотов. Фабрици добавил, что движение в Калабрии парализовано и что нет надежды на восстание в этой провинции. «Я не только не одобряю и не собираюсь сотрудничать с вами в этом деле, — писал Фабрици, — но намереваюсь открыто заявить о моем несогласии с вашим планом»²⁰.

Братья Бандиера были огорчены тем, что никто из видных деятелей освободительного движения не поддерживал подготавливаемой ими экспедиции в Калабрию. Мадзини из Лондона, Ламберти из Парижа, Фабрици с Мальты и ряд других деятелей — все настойчиво советовали им отказаться от планируемого предприятия. 21 мая Аттилио писал Мадзини, что он предполагал в текущем месяце отправиться уже с экспедицией в Италию, но «все эти предположения были сведены на нет письмами Николы» (Фабрици), который считает эту экспедицию «глупой и вредной»²¹. Далее он сообщал, что можно было бы набрать для экспедиции 30 человек, или более, но отобрали только 20, зато все решительные и вооруженные. Аттилио объяснил, почему он берет в отряд так мало людей: повстанцы Калабрии уже не просят помочь им людьми, но они просят поддержать их движение представителями других областей Италии. Аттилио считал, что его маленькая группа возглавит восстание. В письме от 19 мая к Н. Фабрици Эмилио подчеркивал, что доводы, выдвинутые для обоснования отказа от экспедиции, «не закрыли ему путь» — единственный, по которому он должен «следовать по указа-

¹⁷ M. Viterbo. *Il Sudel'unita*. Bari, 1966, p. 89.

¹⁸ G. Mazzini. *S. E. N.*, vol. XXXI, p. 49.

¹⁹ *Ibid.*, vol. XXXI, p. 50; vol. XXVI, p. 228.

²⁰ *Ibid.*, vol. XXXI, p. 53—54.

²¹ *Ibid.*, p. 51.

нию долга». Правда, затем он добавил: если бы не письмо Фабрици, они были бы «в тот же вечер» в пути, но письмо это заставило их отложить экспедицию ²².

Таким образом, письма Мадзини и Фабрици оказали известное воздействие на братьев Бандиера. Но Мадзини проявлял беспокойство, читая их ответные письма. Он все еще боялся непродуманных действий с их стороны. Глава «Молодой Италии» стремился сохранить братьев Бандиера для будущих, хорошо подготовленных выступлений. Зная о тяжелом положении братьев Бандиера, Мадзини стремился им помочь. В письме к Ламберти (от 7 мая 1844 г.) он писал: «Одно из моих огорчений — то, что оба Бандиера из-за нужды сойдут со сцены. Я дал бы, не знаю сколько, чтобы быть богатым и суметь удержать их при себе» ²³.

Учитывая твердую решимость братьев Бандиера броситься в бой с горсткой соратников, Мадзини пришел к выводу, что лучше, чем письма, на них сможет подействовать устное предостережение кого-нибудь из известных деятелей освободительного движения. Мадзини посылает на Корфу Николу Риччиотти, поручив ему предварительно побывать на Мальте, чтобы встретиться с Фабрици, а после беседы с братьями Бандиера направиться в Папское государство и налаживать работу «Молодой Италии» в области Марке ²⁴. Н. Риччиотти, самостверженный революционер и опытный конспиратор, сражался за свободу Италии в 1821 г. в Неаполе, был участником революционных выступлений в Анконе в 1831 г. и в Испании. Более девяти лет он томился в тюрьмах Папского государства. С Мадзини Риччиотти познакомился в 1831 г., и не случайно глава «Молодой Италии» избрал его для выполнения столь важной миссии.

Получив от Мадзини инструкции и деньги, Риччиотти 15 мая 1844 г. отправился из Лондона на Мальту, куда он и прибыл в конце мая. Обменявшись мнениями с Фабрици, который был по-прежнему против экспедиции в Калабрию, Риччиотти 5 июня приехал на Корфу. После нескольких бесед Риччиотти убедил братьев отказаться от рискованной экспедиции. Как писал Мадзини об этом, «идея высадки в Калабрию была во всяком случае отброшена, и доводы, которые приводил друг, их убедили, и они обещали, что не будут никогда действовать без нашего согласия» ²⁵.

Казалось бы, что все хорошо. Но упоминание Риччиотти о предстоящей миссии в Папское государство вновь возбудило в братьях Бандиера стремление к немедленным действиям. 6 июня Атилино поспешно написал об этом Мадзини: «Риччиотти поедет один? Почему 20 наших решительных, в том числе и я, не могут двинуться с ним?.. Лучше будет, если он поедет не один». А на следующий день младший брат писал Мадзини, что они обсуждают с Риччиотти «запутанную проблему» и что он надеется «вскоре выступить с ним вместе». Это предположение подтвердил Риччиотти в письме к Мадзини от 8 июня. «Надеюсь, — писал он, — что скоро представится случай отправиться по назначению... Со мной поедет один из братьев Бандиера и может быть — оба с 20 другими людьми» ²⁶.

Почему произошел такой крутой поворот через три дня после принятия решения об отказе от плана высадки в Калабрию? 11 июня братья Бандиера и Риччиотти написали прощальное письмо Мадзини, которое, по его словам, «вызывало слезы» ²⁷. Они пытались объяснить причину отъезда: Риччиотти не мог отправиться в Папское государство, так как «барки туда не идут», из Калабрии и из Апулии получены «благоприятные известия»: многочисленные вооруженные калабрийцы собрались в горы; на склонах гор расположены большие армейские части, которые отказываются преследовать повстанцев, заявляя, что «не имеют больше ничего общего с королем Неаполя»; сильное возмущение царит в провинциях Лечче, Бари, Фоджиа и Авеллино. Там не хватает лишь руководителей. Патриоты заверили Мадзини, что будут бороться за принципы «Молодой Италии»: свобода, равенство, человечность, независимость и единство Италии. «Если мы погибнем, — писали они далее, — то скажите нашим

²² Ibid., vol. XXXI, p. 55.

²³ G. M a z z i n i. S. E. N., vol. XXVI, p. 179.

²⁴ F. C a t a l a n o, P. M o s c a t i, F. V a l s e c c h i. L'Italia nel Risorgimento. Milano, 1964, p. 403.

²⁵ G. M a z z i n i. S. E. N., vol. XXXI, p. 61.

²⁶ Ibid., p. 62, 63.

²⁷ Ibid., vol. XXVI, p. 228.

«гражданам, чтобы они следовали нашему примеру, ибо мы боролись и умрем за самое святое дело»²³.

Соответствовали ли действительности сообщения о положении в Калабрии, которые братья Бандиера и их сподвижники получили на Корфу? Нет. Эти сообщения в большей части были ложными, а некоторые из них — преувеличенными. Дело в том, что о подготовке экспедиции узнали правительства Австрии и королевства Обеих Сицилий. Они стремились схватить братьев Бандиера и их сподвижников, устроить над ними показательный процесс, чтобы раз и навсегда покончить с постоянными восстаниями и утратить военнотружущих, попавших под влияние итальянских патриотов. Узнав о подготовке экспедиции, австрийское и неаполитанское правительства наводнили Корфу агентами, чтобы не только выведать планы итальянских патриотов, но и спровоцировать их на выступление. Приток этих агентов-провокаторов особенно усилился с начала июня. Среди них выделялся некий Пьетро Боккечампе, корсиканец, которому братья Бандиера и доверились. Эти обстоятельства стали известны вскоре после трагического исхода экспедиции.

Экспедиция отправилась в ночь с 12-го на 13 июня на небольшом парусном судне. Отряд состоял из 21 человека, включая неразоблаченного еще шпиона Боккечампе и проводника Дж. Меллузо (по прозвищу «Баттистино»). Меллузо был родом из Калабрии, поэтому братья Бандиера охотно взяли его в качестве проводника. Тот выдавал себя за политического эмигранта, на самом же деле был отъявленным бандитом, совершившим много уголовных преступлений — именно в Калабрии. Поздно вечером 16 июня судно причалило к берегу у устья реки Нето, близ города Кротоне, находящегося в восточной части Калабрии.

Властям уже стало известно об экспедиции. Правда, никто не знал места высадки. Поэтому маленький отряд вначале не встретил никакого сопротивления. Жандармы и воинские части патрулировали в других местах. Выбравшись на берег, братья Бандиера узнали от местных жителей, что никаких волнений или восстаний в этом районе нет. Решили направиться в Козенцу, для чего нужно было пересечь всю Калабрию с востока на запад. Когда отряд собрался в путь, патриоты заметили, что одного человека не хватает. Шпион и провокатор Боккечампе сбежал, чтобы сообщить властям о местонахождении отряда. Первое столкновение с группой жандармов и так называемых урбанов* произошло в ночь на 19 июня. Патриоты вышли победителями из этой стычки и обратили в бегство более 60 прислужников Бурбонов. 19 июня близ Сан-Джованни Фиоре отряд был окружен батальоном урбанов и солдат, к которым присоединились обманутые крестьяне. Реакционеры внушили местным жителям, что отряд состоит из разбойников, возглавляемых пресловутым Баттистино. Братья Бандиера и Риччиотти стали призывать толпу к братанию и дали указания патриотам не стрелять. Но разъяренные солдаты открыли огонь. Два патриота, Дж. Миллер и Т. Тезеи, были убиты, А. Нарди и Д. Моро — ранены. Баттистино и пять патриотов бежали, а все остальные были схвачены противником. Но и бежавшие через три дня добровольно сдались в плен. Арестованных патриотов отправили по этапу в Козенцу — туда, куда они сами направлялись, чтобы поднять там восстание. Братья Бандиера и их сподвижники намеревались в первую очередь совершить дерзкое нападение на тюрьму в Козенце, чтобы освободить политических заключенных, которые томились там после подавления мартовского восстания. Теперь, измученные, истерзанные и раненые, они сами оказались в этой тюрьме.

Кроме основных статей будущего политического устройства Италии, братья Бандиера везли с собой две прокламации, которые пытались распространять при первой же встрече с местным населением. Одна из них была обращена к итальянцам, другая — к калабрийцам. Над текстом был напечатан девиз «Молодой Италии»: «Свобода, равенство, человечность, независимость, единство». Авторы прокламаций восприняли не только девиз «Молодой Италии», но и стиль мадзиниевских листовок и методы пропаганды Мадзини. В прокламации «К итальянцам» после обзора политического положения в Италии авторы заявляли: «Все европейские нации достигли или идут к завое-

²³ Ibid., vol. XXXI, p. 63—65.

* Урбаны — ополченцы в королевстве Обеих Сицилий, набранные из представителей буржуазии.

ванию наиболее священных прав человека; только вы, итальянцы, подчинены еще порочным законам, живете в неравенстве, без прав... Вы трудитесь, но плоды вашего труда направляются за Альпы или служат для покрытия расходов на кутеж стольких королевских семейств, господствующих в Италии. К оружию, братья!.. Организуемся в республику, как наши предки... Обнажим сабли против австрийцев. Пусть каждый мужчина станет солдатом, каждая женщина — сестрой милосердия, каждый дом крепостью». Братья Бандиера, как и Мадзини, в своих прокламациях не преминули упомянуть, что «бог создал всех равными» и что «только он, и никто иной, имеет право повелевать нами»²⁹. В прокламации «К калабрийцам» говорилось, что группа изгнанников, «услышав клич восставших, преодолев препятствия и опасности, пришла в Калабрию, чтобы соединиться с ними и сражаться вместе и восхищаться знаменем республиканской Италии, которое они так храбро подняли»³⁰.

Мадзини получил экземпляры этих прокламаций лишь в августе 1844 г.; он высоко оценил их и включил в свою брошюру о братьях Бандиера. В письме к Ламберти от 21 августа Мадзини писал: «Получил прокламации, с которыми они высиделись: республиканцы и «Молодая Италия»... Если где-либо есть люди, способные стать мучениками — они всегда с нами»³¹.

С 17 по 24 июня в Козенце проходил суд над братьями Бандиера и их сподвижниками. Всех 17 патриотов суд приговорил к смертной казни, которая для восьмерых была заменена тюремным заключением. Все осужденные встретили приговор возгласом «Да здравствует Италия!». Солдаты, охранявшие их, повторяли за ними: «Да здравствует!», — и не обращали внимания на офицера, который пытался водворить спокойствие. Осужденным к смертной казни осталось жить несколько часов. Одному из них, Анакарси Нарди, удалось отправить записку к Т. Савелли, своему другу на Корфу. Он писал: «Дорогой друг, пишу тебе в последний раз. Через 12 часов меня не станет. Моими товарищами по несчастью являются: оба брата Бандиера, Риччиотти, Моро, Венеруччи, Рокка, Лупателли и Берти... Напомни обо мне семье и друзьям... Поцелуй всех своих детей. Если считаешь возможным, напиши в Модену брату моему о моей судьбе. Все товарищи горячо приветствуют тебя. Обнимаю тебя. *Твой Нарди*. Р. С. Я пишу в наручных кандалах, поэтому рука дрожит. Но я спокоен, потому что умираю за родину и за священное дело»³².

На рассвете 25 июля патриотов повели на расстрел к лощине Ровито, близ Козенцы. В соответствии с ритуалом, установленным в этом реакционном королевстве для казни так называемых преступников третьей степени, они были босы, одеты в черное и лица их покрывала вуаль. По дороге они пели патриотические песни, часто повторяя слова: «Кто за родину умер — тот достаточно жил». На холме вокруг лощины было много народу. Люди плакали, рыдали. Только патриоты были спокойны. Послышался приказ офицера стрелять. Солдаты заколебались. Никто из них не хотел открывать огонь. Тогда Никола Риччиотти, старый партизан, участвовавший в многочисленных битвах за свободу Италии и Испании и знавший цену солдатской дисциплине, крикнул: «Стреляйте же, приказы следует выполнять, мы тоже солдаты». Раздался залп, но нули прошли мимо... и снова офицер взмахнул рукой...

Девять самоотверженных борцов за свободу — Атилио и Эмилио Бандиера, Никола Риччиотти, Доменико Моро, Франческо Берти, Доменико Лупателли, Анакарси

²⁹ G. Mazzini. S. E. N., vol. XXXI, p. 79—80; R. Pierantoni. Storia dei fratelli Bandiera e loro compagni in Calabria. Milano, 1909, p. 382.

³⁰ G. Mazzini. S. E. N., vol. XXXI, p. 80.

³¹ Ibid., vol. XXXI, p. 300. Р. Пьерантони, обнаруживший в архиве Неаполя экземпляр прокламации «К калабрийцам», в которой зачеркнуто слово «республиканская», утверждает, что это слово вычеркнули сами братья Бандиера во всех экземплярах прокламаций, но в доказательство этого не приводит никаких данных. — R. Pierantoni. Op. cit., p. 400, 421. Однако неизвестно, кто вычеркнул слово о республике и было ли оно зачеркнуто во всех экземплярах. Возможно, что братья Бандиера сняли республиканский лозунг по тактическим соображениям, как это не раз делал сам Мадзини. Но не подлежит сомнению, что идеалом братьев Бандиера была демократическая республика.

³² G. Mazzini. S. E. N., vol. XXXIV, p. 46—48. К этому письму Мадзини сделал примечание: «Спокойный и торжественный тон, которым письмо написано, напоминает мне героев Плутарха... Письмо показывает, какие люди сопровождали братьев в их предприятии».

Нарди. Джакомо Рокка и Джованни Венеруччи были расстреляны. Они умирали со словами на устах: «Да здравствует Италия!». Так трагически закончилась героическая жизнь братьев Бандиера и их сподвижников.

Выше отмечалось, что правительству королевства Обеих Сицилий стало известно о подготовке экспедиции братьев Бандиера. Когда и каким образом оно было информировано об этом? Здесь мы переходим к рассказу о коварных методах борьбы реакционных сил с освободительным движением и о позорной роли правящих кругов Англии в этом деле. В одном из писем к Мадзини Бандиера писал: «Доверяясь английской почте, которая всегда лояльна, можете адресовать сюда, на мое имя, ваши письма»³³. Атилио был очень наивен, надеясь на лояльность английской почты. Атилио Бандиера, как и многие другие деятели освободительного движения, не знал, что английское правительство, кичившееся «гостеприимством», которое оно оказывало эмигрантам из других стран, в то же время занималось слежкой за ними, вскрывало их письма. Как отмечал Мадзини, в организации шпионажа за революционными деятелями английское правительство превзошло самых гнусных полицейских Италии.

Следует, однако, сказать, что инициатива организации шпионажа за Мадзини принадлежала столпу европейской реакции, Меттерниху. По его поручению еще в конце 1843 г. австрийский посол в Лондоне П. Неуманн просил министра иностранных дел лорда Абердина представить по возможности информацию о планах Мадзини и проверить, правдивы ли сообщения о том, что глава «Молодой Италии» собирается поехать на Корфу, чтобы оттуда руководить повстанческим движением³⁴. Абердин готов был услужить Меттерниху и дал соответствующие указания по ведомствам. Но оказалось, что английское правительство не только не располагает сведениями, которыми интересуется Меттерних, но что полиция даже не знает адреса Мадзини. Тогда лорда Абердина выручил австрийский посол: он сообщил ему точный адрес Мадзини в Лондоне. Видно, австрийские агенты в Лондоне «работали» лучше, чем английская разведка. Абердин передал адрес Мадзини министру внутренних дел Дж. Грехему, и оба решили, что лучшим способом слежки за Мадзини явится перлюстрация его переписки. 1 марта 1844 г. Грехем издал секретный приказ о вскрытии всех писем, адресованных Мадзини³⁵. Впоследствии выяснилось, что по просьбе тайной полиции почтовое ведомство вскрывало переписку Мадзини еще за два месяца до издания этого приказа³⁶.

Из писем, адресованных Мадзини, делались выписки или снимались с них копии, которые затем передавались в министерство иностранных дел для отправки в Вену. Среди них были письма и братьев Бандиера, которые цитировались выше. Венский кабинет пересылал копии с этих документов неаполитанскому правительству, с которым он обменивался сведениями о деятельности итальянских политических эмигрантов. Правительства Вены и Неаполя имели тайных агентов во многих странах и городах, в том числе и на Корфу. Они и снабжали информацией, часто ложной, так как писали лишь для того, чтобы «отработать» свой хлеб. Но те сведения, которые эти правительства могли почерпнуть из переписки Мадзини, особенно из писем братьев Бандиера в период подготовки восстания, были для них наиболее ценными. После вскрытия писем братьев Бандиера к Мадзини начался приток австрийских и главным образом неаполитанских шпионов на Корфу: ведь в некоторых письмах они без всякой шифровки писали о подготовке экспедиции в Калабрию. Неаполитанское правительство поставило задачу заманить эмигрантов в ловушку. С этой целью его агенты сообщали на Корфу, что в Калабрии уже началось восстание. Братья Бандиера по своей неопытности поверили провокационным вымыслам агентов неаполитанского правительства.

В связи с намерением братьев Бандиера направиться с экспедицией в Папское государство и соединиться с многочисленными патриотами, Мадзини отмечал, что этот план очень напугал итальянские правительства, последние решили, что лучше, если они сами назначат время и место действия братьев, «чтобы завести их в засаду:

³³ G. Mazzini. S. E. N., vol. XXXI, p. 52.

³⁴ E. Morelli. L'Inghilterra di Mazzini. Roma, 1965, p. 48.

³⁵ B. King. Mazzini. Firenze, 1926, p. 107; G. Mazzini. S. E. N., vol. XXVII,

p. 136

³⁶ Ibid., p. 137.

и погубить»³⁷. Безосновательно, как нам кажется, утверждать, что все итальянские правительства сговорились спровоцировать экспедицию. Никто, в том числе и сам Мадзини, не подтвердил этого факта. Но нет сомнения, что засаду устроило неаполитанское правительство при содействии (хотя бы информацией) австрийского правительства. Князь Меттерних был удовлетворен установленной английским правительством слежкой за перепиской Мадзини. В апреле 1844 г. он сообщал: «Уже давно мы добились от английского правительства организации неусыпного надзора за перепиской Мадзини; в этом мы особенно обязаны любезности и хорошим чувствам сэра Джемса Грехема; другие не проявили бы столь хорошего расположения, если бы я не обратился лично к нему»³⁸. Меттерних нашел достойного пособника в осуществлении своих коварных замыслов.

Уже в апреле 1844 г. Мадзини заподозрил, что его письма вскрываются. Он был возмущен до глубины души и хотел сразу же заявить протест. Но прежде он решил накопить компрометирующие факты, а потом публично заявить о них. Английская тайная полиция грубо выполняла свое ремесло. Сургучная печать с писем срывалась и на ее место ставилась другая; чтобы сделать незаметным время прибытия письма, на старый штемпель ставился новый. Путем наблюдений и экспериментов Мадзини установил, насколько дольше задерживаются на почте его письма по сравнению с теми письмами, которые не подвергаются перлюстрации (разница была в два часа). Мадзини написал петицию, которую 14 июня представил в палату общин его знакомый депутат-радикал Томас Дункомби. Он потребовал создать следственную комиссию для расследования этого дела. Петиция Мадзини произвела впечатление грома среди ясного неба. В палате общин начались шумные дебаты. Министр Грехем неудачно оправдывался. Все же большинством голосов петиция Мадзини была отклонена, и комиссия не была назначена. Такие же горячие дебаты по поводу петиции Мадзини произошли и в палате лордов, и на заседаниях обеих палат, о разразившемся скандале заговорили во всех газетах, и в конце концов следственная комиссия была назначена. 5 августа 1844 г. комиссия представила парламенту свой доклад. Он произвел удручающее впечатление на депутатов. В докладе отмечалось, что письма Мадзини перлюстрировались, однако это делалось «не по требованию иностранной державы», по для того, чтобы быть в курсе о заговорах, которые замышляют на территории Англии эмигранты; что информация о содержании писем Мадзини «действительно передавалась иностранной державе». Далее в докладе говорилось, что письма в почтовом ведомстве вскрывались с 1806 г., в том числе и письма депутатов парламента³⁹. Почти целый год вопрос о перлюстрации переписки Мадзини не сходил со страниц печати. Парламенту пришлось вернуться к нему еще раз в феврале 1845 г. Мадзини стал самым популярным человеком в Англии. Так позорно провалилась попытка английского правительства организовать слежку за Мадзини. Разоблачения Мадзини, поддержка его широкой общественностью немало содействовали оживлению Чартистского движения в 1845 г.⁴⁰

Героическая доблесть и трагическая смерть братьев Бандиера и их товарищей вызвали сильное возбуждение в Италии⁴¹ и произвели глубокое впечатление во многих странах мира. Умеренные либералы обрушили на деятелей демократического движения, в первую очередь на Мадзини, град оскорблений; они оскверняли память братьев Бандиера, обвиняя их в том, что они уничтожили храбрых сподвижников «ради бредней». Основную вину умеренные либералы сваливали на Мадзини, говоря, что он не считался ни с какими жертвами и неустанно организовывал бессмысленные заговоры. Мадзини с гневом отметал эти клеветнические обвинения, указывая, что они

³⁷ G. Mazzini. S. E. N., vol. XXVII, p. 142.

³⁸ E. Morelli. Op. cit., p. 52.

³⁹ E. Morelli. Op. cit., p. 55—62; B. King. Op. cit., p. 108. Полный текст дискуссии в парламенте по поводу петиции Мадзини см. G. Mazzini. S. E. N., vol. XXVII, p. 285—423.

⁴⁰ E. Morelli. Op. cit., p. 75.

⁴¹ О том, какое сильное воздействие оказали самоотверженная борьба и трагическая гибель братьев Бандиера на современное им поколение, рассказал в брошюре «К итальянской молодежи» (1847 г.) выдающийся итальянский революционер Феличе Орсини. Он писал, что он и его друзья были «охвачены чувством мести, стремлением вызвать новое мученичество и разоблачить злодейскую политику правительств Неаполя и Вены». — A. M. Chisalberti. Orsini minore. Roma, 1955, p. 31, 57.

служат лишь прикрытием для трусов, ставящих выше всего свои эгоистические интересы. По поводу упреков в подстрекательстве экспедиции братьев Бандиера Мадзини писал: «Действительно, я помогаю таким людям, как они, но я это делаю лишь тогда, когда я сам могу действовать с ними вместе... Я сделал все, что мог... чтобы отговорить их от этого предприятия и чтобы помешать его реализации»⁴².

Мадзини был горячим сторонником вооруженного восстания и вел большую организаторскую и пропагандистскую работу по его подготовке. Выступив против экспедиции братьев Бандиера, он в то же время планировал восстание более широкого масштаба в Папском государстве с расчетом, что оно распространится затем в королевстве Обейх Сицилий и других итальянских государствах. После героической гибели братьев Бандиера и их товарищей Мадзини отмечал, что «мученичество никогда не бывает бесплодным... жертвы в Козенце указали нам всем, что человек должен жить и умереть ради своих идей». Сказав это, Мадзини разъяснял, что он не призывает к мученичеству: «Мученичество почитают, но не проповедают; я призываю вас сражаться и побеждать, научиться презирать смерть»⁴³. Эти слова заключают брошюру о братьях Бандиера. Они отражают дух эпохи, взгляды и чувства широких кругов патриотов, в особенности итальянской молодежи. Мадзини хорошо знал эту молодежь. Поэтому он понимал и братьев Бандиера, которым были присущи достоинства и недостатки многих его сподвижников. Во взглядах и делах братьев Бандиера было много наивного, романтического. Но их выступление пробудили страну от оцепенения. Известная деятельница освободительного движения, друг Мадзини, Дж. Уайт Марио, писала, что героическая жизнь и трагическая гибель братьев Бандиера является исходным пунктом новой жизни Италии⁴⁴. Речь идет о разворачивании широкого демократического движения, которое началось впоследствии.

Братья Бандиера и их товарищи были окружены ореолом славы и героизма в глазах многих поколений революционных борцов. Их память почитали и чтут теперь новые поколения борцов. По инициативе Мадзини, в память о них и их сподвижниках были выпущены две медали. Одна из них отчеканена в Лондоне, другая — в Париже. На медали выгравированы имена героев и девиз «Молодой Италии». На другой стороне сделана надпись: «Молодая Италия» — своим мученикам.

Большой заслугой Мадзини и «Молодой Италии» является тот факт, что в 1844 г. в Италии были такие самоотверженные революционеры, как братья Бандиера. К этому времени выявился еще один важный фактор: приобщение рабочих к освободительному движению. В маленькой экспедиции братьев Бандиера были трое рабочих: Джованни Миллер (пал в бою), Джакомо Рокка и Джованни Венеруччи (были расстреляны). Мадзини подчеркивал этот факт в брошюре о братьях Бандиера. Об участии рабочих в освободительном движении можно судить и по судебным процессам тех лет. В ноябре 1845 г. в Болонье состоялся процесс над 67 патриотами, 52 из них были рабочими и ремесленниками⁴⁵. Эти факты явились результатом пропаганды Мадзини и деятельности рабочих организаций «Молодой Италии», созданных Мадзини в 1840 г.

Сумел ли Мадзини в дальнейшем избежать ошибок, подобных тем, которые совершили братья Бандиера и другие деятели освободительного движения, стремившиеся к немедленным действиям? Нет, этого сказать нельзя. Хотя он учел опыт ряда неудавшихся восстаний и заговоров (начиная с 1820 г.), он все же не отказывался от заговорщической тактики, при которой не учитывались объективные условия и возможности для разворачивания революционной инициативы масс. Это отметил друг Мадзини А. И. Герцен, сказав (уже в 1850 г.), что Мадзини «думает, что положение останется вечно таким же, как во времена братьев Бандиера»⁴⁶. Герцен имел в виду нереальный план Мадзини подготовки нового восстания. Это восстание было поднято сторонниками Мадзини в Милане 6 февраля 1853 г. и потоплено лавчиной в крови в тот же день. Мадзини не учитывал, что в условиях кровавого террора после подавления революции 1848—1849 гг., в обстановке разброда и колебаний среди деятелей демократического движе-

⁴² G. Mazzini. S. E. N., vol. XXVI, p. 306, 309; V. Parmentola. La «Giovane Italia» contro la «Glovinè Italia». Milano, 1963, p. 12.

⁴³ G. Mazzini. S. E. N., vol. XXXI, p. 74, 76.

⁴⁴ J. W. Mario. Della vita di Giuseppe Mazzini. Milano, 1891, p. 304.

⁴⁵ S. Canzio. Op. cit., p. 358.

⁴⁶ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XXIV, М., 1961, стр. 37.

ния нельзя было и думать о восстании. Как справедливо отмечал Герцен, в Мадзини была «бездна воли и упрямства», он был охвачен «одной сильной страстью: освобождением своей родины»⁴⁷. Критически оценивая деятельность Мадзини, Герцен в то же время восхищался его упорством и самоотверженностью. Говоря о силе и влиянии вождя итальянских демократов, Герцен писал: «Последовательно... ряд за рядом выходят восторженные юноши, энергические плебеи, энергические аристократы, иногда старые старики и идут по указаниям Мадзини... идут на неравный бой, пренебрегая цепями и плахой и примешивая иной раз к предсмертному крику «Viva l'Italia» — Viva Mazzini». Герцен отмечал также, что Мадзини, находясь в эмиграции, «сосредоточивал в своей руке нити психического телеграфа, приводившего его в живое общение со всем полуостровом. Он знал каждое биение сердца своей партии, чувствовал малейшее сотрясение, немедленно отвечал на каждое и давал направление всему и всем с поразительной неутомимостью»⁴⁸.

Герцен был близким другом Мадзини и много раз встречался с ним. Они познакомились в Женеве в сентябре 1849 г. Когда в августе 1852 г. Герцен прибыл в Лондон, его в тот же день посетил Мадзини. Их встречи не прекращались до самого отъезда Герцена из Лондона. Наш соотечественник оказал известное влияние на взгляды своего итальянского друга. Весьма примечательно, что вскоре после их знакомства Мадзини начал в известной степени понимать роль крестьянства в революции. Так, например, в манифесте, опубликованном Мадзини и его сторонниками в сентябре 1851 г., в частности выдвигалось требование установления «более справедливых взаимоотношений крестьянина и земельного собственника»⁴⁹, требование, которое Мадзини игнорировал раньше. В этом сказывалось влияние Герцена на Мадзини и его друзей. В одном из писем к Гарибальди он писал: «Мы вместе с крестьянином говорим: «Нет воли без земли» и прибавляем только, что «земля не крепка без воли»⁵⁰. Было и обратное влияние. Революционная решимость Мадзини и его сподвижников не могла не подействовать на взгляды Герцена. Изучение опыта борьбы итальянского народа против иностранного гнета, а также выступления Мадзини и Гарибальди в защиту польского освободительного движения положительно повлияли на позицию Герцена в польском вопросе и национальном вопросе в России вообще.

Близким другом Мадзини был и Н. П. Огарев. Так же, как и Герцен, Огарев относился к Мадзини с глубоким уважением. В архиве Огарева сохранились два письма к Мадзини, являющиеся наглядным свидетельством их взаимоотношений. В 1865 г. Огарев работал над книгой, в которой собирался изложить систему теоретических воззрений. В письме к Мадзини, написанном весной 1865 г., Огарев сообщал ему, что завершение этого труда является «заветнейшим делом» его жизни и что он собирается посвятить этот труд Мадзини. Далее Огарев добавил: «Чем больше я Вас узнаю, тем больше чувствую, что мы не можем расходиться в наших (практических) устремлениях». В другом письме Огарев писал, что Мадзини — «современный деятель, единственный, кого я люблю и уважаю среди людей политического мира»⁵¹.

Давая высокую оценку деятельности Мадзини, Огарев не скрывал от своего друга, что он не согласен с некоторыми его «неопределенными идеями», «которые не смогут заменить ни религии, ни науки, ибо они лишены духа нового времени». Эти замечания Огарева относятся к брошюре Мадзини, которая вышла незадолго до того и была посвящена критике опубликованного папой Пием IX обращения — так называемого Силлабуса заблуждений. Мадзини резко осудил этот реакционный документ. Но он не выдвинул последовательную систему возражений. Это имел в виду Огарев, когда писал о «неопределенных идеях» Мадзини. Однако несмотря на расхождение теоретических убеждений двух революционеров, они оставались близкими друзьями.

Мадзини поддерживал дружеские связи также с Н. А. Тучковой-Огаревой. О встречах с ним и с Гарибальди Н. А. Тучкова-Огарева рассказывает в воспоминани-

⁴⁷ А. И. Герцен. Собр. соч., т. X, М., 1956, стр. 67; т. XVI. М., 1959, стр. 142.

⁴⁸ А. И. Герцен. Собр. соч., т. X, стр. 67, 66.

⁴⁹ G. Mazzini. S. E. N., vol. XLVI, p. 128—129.

⁵⁰ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XVIII. М., 1959, стр. 26.

⁵¹ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 509—510.

ях⁵². Весьма характерен следующий факт. Когда Мадзини писал свои письма к Н. А. Тучковой-Огаревой (1865 г.), уже прошло более 20 лет после восстания братьев Бандиера. Но «idée fixe» Мадзини — восстание — является важной темой и этих писем. В то время он вынашивал план организации восстания в Венеции; собирал для этой цели деньги и подготавливал людей. Вот что он писал по этому поводу: «Не знаю, предпримем ли мы в этом году что-нибудь по венецианскому делу. Я очень быстро старею: думаю, что проживу недолго, и хотел бы до смерти еще сделать что-нибудь для моей родины; но было бы бессмысленно из-за этого предпринимать в таком важном деле опрометчивые попытки, неудача которых может стать пагубной. Поэтому дела и не начинаю. Но если оно начнется, я помогу изо всех сил»⁵³. В последнем письме к Н. А. Тучковой-Огаревой (от 27 ноября) Мадзини писал: «Вы знаете, какую цель я преследую: Венеция, восстание, война с Австрией. Если буду жив, через четыре месяца я буду знать, возможно ли это»⁵⁴. Действительно, летом 1866 г. началась австро-прусская война, в которой Италия выступила на стороне Пруссии; в этой войне участвовал отряд Гарибальди. В результате Венеция была присоединена к Италии.

Таким образом, хотя Мадзини не раз ошибался, неоднократно терпел поражения, но цель, которой он посвятил всю жизнь, постепенно достигалась, и главным образом благодаря борьбе демократических сил, возглавлявшихся им. В этой связи напомним в заключение об оценке К. Маркса и Ф. Энгельса деятельности Мадзини. Известно, что основоположники научного социализма подвергали критике (иногда очень строгой) деятельность Мадзини и его взгляды. Они критиковали его за игнорирование крестьянского вопроса, за отрицание материальных интересов различных классов и стремление отвлечь рабочих от классовой борьбы; они писали о пагубности его заговорщицкой тактики и отмечали, что для многих его писаний характерны ложный пафос и пророческий мистицизм⁵⁵. Но вместе с тем они относились к нему с большим уважением, высоко ценили и старались повлиять на него. По поводу открытого письма Мадзини Луи-Наполеону (1858 г.), в котором разоблачалась реакционная политика и корыстные цели французского императора, К. Маркс писал, что теперь Мадзини «не считает ниже своего достоинства обращать внимание на социальную действительность, на интересы различных классов... Хотелось бы надеяться, что Мадзини на этом не остановится и... приступит к переработке всего своего политического катехизиса в свете экономической науки»⁵⁶. Мадзини не переработал свой политический катехизис, сформировавшийся под влиянием сен-симонизма еще в молодые годы. Есть обобщающая оценка К. Маркса деятельности Мадзини. Отметив, что Мадзини проявлял мужество и самопожертвование в борьбе за свободу, К. Маркс писал: «Как бы различны ни были мнения людей о личности римского триумвира, никто не станет отрицать, что в течение почти тридцатилетнего периода итальянская революция связана с его именем и что в течение того же промежутка времени Европа признает его лучшим выразителем национальных чаяний своих соотечественников»⁵⁷. Эти слова были сказаны К. Марксом в 1859 г., после того, как он и Ф. Энгельс неоднократно критиковали заговорщицкую тактику Мадзини.

Высокую оценку деятельности Мадзини дал выдающийся деятель освободительного движения Италии — Джузеппе Гарибальди. «Когда я еще был юношей и имел одни неопределенные стремления, я искал человека, который мог бы быть путеводителем, советником моей юности ... я нашел его. Он один бодрствовал, когда все спало кругом. Он сделался моим другом и остался им навсегда, в нем никогда не потухал священный огонь любви к отечеству и к свободе. Этот человек Джузеппе Мадзини»⁵⁸.

Вождю демократов пришлось пережить не только горечь поражения: ему и его сподвижникам довелось пожинать плоды побед, завоеванных в результате самоотверженной борьбы. В 1849 г. Мадзини возглавлял триумvirат Римской республики, которая являлась гордостью демократических сил Италии. А в 1860 г. он был одним из

⁵² Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1959.

⁵³ «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых». М.—Л., 1930, стр. 24.

⁵⁴ Там же, стр. 33.

⁵⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 302—304, 305—309, 506—508; т. 28, стр. 53—55, 179—181.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 435.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 381.

⁵⁸ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XVIII, стр. 117.

вдохновителей организации похода гарибальдийской «Тысячи», которая сыграла решающую роль в объединении Италии. Для Мадзини, Гарибальди и для всех итальянских патриотов славные победы «Тысячи» явились большим счастьем.

Но Рим все еще оставался вне итальянского государства. А без Рима, как говорил Мадзини, нет Италии. И вот, в августе 1870 г. 65-летний старец снова бросается в бой за освобождение Рима. Мадзини тайно прибыл в Италию с фальшивым паспортом, выписанным на имя Джорджа Брауна, «торговца из Англии». Побывав в Генуе на могиле своей матери, он отправился в Палермо, чтобы возглавить восстание для похода на Рим, которое подготавливали его сподвижники. Но полицейские ищейки выследили его и не дали даже сойти с парохода: в порту в Палермо он был арестован, отправлен в Гаэту и посажен в крепость. Тем временем, 20 сентября 1870 г. Рим был освобожден, светская власть папы — ликвидирована. Мечта юности Мадзини и тысячей итальянских патриотов осуществилась, но не полностью: Рим стал столицей Италии, но Италия монархической, а не республиканской.

Король Виктор-Эммануил II «простил» Мадзини все его «грехи»: 14 октября 1870 г. неутомимый организатор восстаний был освобожден по амнистии. Он посетил Рим. В гостинице, где он остановился, состоялись волнующие встречи со многими его сподвижниками, старыми друзьями. Затем Мадзини отправился в Геную, а оттуда — за границу, вначале в Швейцарию, потом в Англию, чтобы в последний раз увидеться со своими друзьями. Здоровье старого революционера было подорвано. Он решил вернуться в Италию, чтобы умереть на родине. Мадзини поселился в Пизе, маленьком городке центральной Италии, в доме своего друга, где скончался 10 марта 1872 г. в окружении друзей.

Столетие со дня смерти Мадзини широко отмечено в Италии и во многих странах мира. Этой памятной дате был посвящен национальный конгресс итальянских историков. Итальянский народ не забыл своего верного сына. В Италии почти нет города — большого или малого, где не был бы воздвигнут ему памятник, а площади и улицы не названы его именем.

